

В Е Р А
Калачкава

*Женицина
с реденком*

Вера Александровна Колочкова
Женщина с ребенком
Серия «Секреты женского счастья»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59767337
Женщина с ребенком: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-114004-5

Аннотация

Когда дочь стала матерью-одиночкой в семнадцать, а сама Катя – бабушкой в сорок лет, ей пришлось уволиться с работы и посвятить себя внуку. И все бы ничего, только в семье с той поры пошел разлад, а любимый муж, не скрываясь, начал ходить налево. Что делать – молча терпеть унижения или гордо уйти? Но куда? На Кате ответственность за детей и полная финансовая зависимость от супруга. А что, если народная мудрость права и левак укрепляет брак?

Содержание

Глава I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Вера Колочкова

Женщина с ребенком

Глава I

Какая нынче весна выдалась – на удивление! В марте уже снег растаял, апрель был веселым и звонким, а середина мая порадовала настоящей летней жарой. Ленивой, расслабленной. И люди смело скинули плащи и ветровки, открыли солнцу бледные тела, и никто, кажется, по своим делам не торопится... Вон, все скамейки в парке заняты, приткнуться некуда. Работать надо, делами обыденными заниматься, их ведь майской жарой не отменишь! А они сидят – расслабились...

Вон парочка сидит, обнимается. Вон там женщина пожилая присела, держит сумку на коленях. Лицо усталое, зимнее еще, бледное, цвета сырой картофелины на срезе. А другие скамейки мамы с детьми оккупировали – но с ними-то как раз все понятно, у них сейчас это главная работа и есть – отпрысков на солнышке выгуливать. Святое дело...

– Ну, и что будем делать, Темочка? – тихо спросила Катя. Наклонилась, поправила на голове у Темы панамку, вздохнула. – Я думала, мы в парке на скамейке посидим, а тут все занято... Может, на нашу любимую детскую площадку пой-

дем?

Тема дрыгнул толстыми ножками, потянулся в легкой прогулочной коляске, захныкал. Понятно, хочет своими ножками побегать. Да ведь она так и хотела – подрулить вместе с коляской к скамейке и выпустить его на свободу! Она бы села, а Тема топтался бы рядом, в поле зрения. Тем более это самое «поле зрения» сейчас просто необходимо, потому что телефон все время звонит... И надо обязательно отвечать, никуда не денешься. Потому что день рождения у нее сегодня. Сорок лет...

– Темочка, не хнычь, пожалуйста! Мы с тобой быстро до детской площадки дойдем! Вон, видишь, там выход из парка? Дорогу перейдем и сразу в наш любимый дворик попадем... Потерпи, Темочка...

Они давно облюбовали с Темой тот дворик, хоть он и не был близко от дома. А что делать? В их родном дворе детская площадка была в таком ужасающем состоянии, что гулять на ней было просто небезопасно. А тот дворик такой новенький, свеженький, а главное, забором не огороженный, как сейчас принято. Нет, правда, что за манера – дворы чуть ли не колючей проволокой обносить, чтобы враг не прошел! Разве мамыши с детьми – это враги? Подумаешь, дети на площадке поиграют... Тем более двор большой, места много. И малышни там собирается множество, и скамеек для мамаш, нянек и бабушек хватает. Не то что в парке...

Катя ускорила шаг, продолжая уговаривать Темочку.

Впрочем, он и сам перестал хныкать, весело поглядывал по сторонам. Слава богу, характер у него не капризный. Лёля в его возрасте совсем другой была...

Лёля, Лёля... Доченька милая. Даже не позвонила сегодня, с днем рождения не поздравила. Забыла, что ли? Или на вечер все поздравления приберегла?

— Ну вот, Темочка, мы и пришли... Сейчас выпущу тебя из плена... Смотри, там уже и подружки твои в песочнице собрались, Танечка с Анечкой! Давай, топай к ним... Да не обижай, смотри, как в прошлый раз... Ты ведь знаешь, что девочек нехорошо обижать, правда?

Тема важно кивнул головой, и на этом воспитательная минутка закончилась. Танечка с Анечкой уже поглядывали на него из песочницы, хмурили бровки. Наверное, не забыли еще перенесенных давеча обид. Их мамашки тоже зорко следили за тем, как Темочка топает по направлению к песочнице, готовились тут же сорваться с места, если вдруг что-то пойдет не так... И на нее поглядывали с неким вызовом — чего, мол, в наш двор опять заявись? Негде больше гулять, что ли?

Негде, милые мои, негде. Что ж вы сердитые такие, откуда чего взялось? Вон молодые какие, жили да радовались бы этому обстоятельству... Вот стукнет вам сорок лет и поймете тогда, что радоваться гораздо слаще, чем сердиться по пустякам...

В кармане снова зазвонил телефон, и Катя скоренько вы-

нырнула из грустных мыслей, надела на лицо улыбку. Когда улыбаешься, и голос по-другому звучит. Потому что он сегодня должен звучать радостно – день рождения все-таки!

Звонила младшая сестра Маша. Бодро протараторила ей в ухо дежурные пожелания относительно счастья, здоровья, семейного благополучия, и Катя поблагодарила ее так же дежурно. Нет, с Машкой у нее были прекрасные отношения – теплые, сестринские, – но все равно эти поздравления звучат как заезженная пластинка, одни и те же из года в год... Хоть бы чего-нибудь новенькое придумала, фантазии не хватает, что ли?

– Спасибо, Маш, спасибо... – проговорила еще раз. А что еще ответишь? Тоже ведь ничего другого не придумаешь...

– А чего такой голос у тебя грустный, Кать? – спросила Маша удивленно. – Вроде радоваться должна, сегодня ж твой праздник!

– Да какой там праздник... Сорок лет...

– И что?

– Да ничего... Знаешь, у меня такое чувство, будто я некий рубеж перешла и больше ничего хорошего у меня не будет...

– Да ну! Придумала тоже! В сорок лет жизнь только начинается! Не грусти давай, ты чего!

– Ладно, Маш. Не буду грустить. Вечером придете с девочками?

– А как же? Придем, конечно! Мои близняшки уже соску-

читься успели по Темочке!

– Как они, кстати?

– Да ничего, нормально... Учительница говорит, они способные. Хотя чего там поймешь, первый класс еще...

– Нет, они и впрямь у тебя умненькие девчонки, что ты!

– Ну, дай бог... Им глупыми нельзя быть, сама понимаешь. Вчера забрала их из школы, а они такие грустные обе... Спрашиваю – что случилось, мол? Дашка, как всегда, отмолчалась, а Сашка выпалила – почему у нас папы нет и не было никогда? Его вообще-вообще не было, что ли? Других ребят, вон, из школы папы забирают...

– И что ты им ответила, Маш?

– А что я могла ответить? Только давешнюю сказку рассказать про папу-героя, который погиб во льдах Арктики... Правду ведь не скажешь, что этот героический папашка исчез в неизвестном направлении, когда им еще и годика не было. И приветов не шлет, и алиментов не платит...

– А что, его так и не нашли? Вроде судебные приставы в розыск подавали...

– Не-а. Не нашли. Может, и правда окончательно сгинул. Да ну его, Кать... Еще не хватало о нем в твой день рождения говорить! В общем, поздравляю тебя, и не грусти давай... Придумала тоже... В сорок лет жизнь только начинается, помни об этом!

– Да, Маш, спасибо...

– Ну все, до вечера!

– До вечера, Маш...

Катя сунула телефон в карман, подумала про себя сердито – вот же ерунда какая, честное слово! Как же эта фраза въелась в бабское сознание – про жизненное начало в сорок лет! А все с того фильма началось, где она прозвучала впервые... И пошло, и поехало... Как вцепились в это «жизнь только начинается», так и оторваться не могут, и утешают сами себя... Да она и сама раньше так думала, чего там. Ничего страшного, мол... А вот сегодня стукнули эти самые сакраментальные сорок, и энтузиазма как-то поубавилось. Может, потому поубавилось, что она в свои сорок – уже бабушка. Можно сказать – здравствуй, старость. Какая такая жизнь может начаться у бабушки, интересно?

Хотя... Зря она, наверное, Бога гневит. Ведь все у нее хорошо по большому счету... Да, Лёлька родила очень рано, и пришлось все заботы о внуке на себя взять... Так получилось, ничего не поделаешь. Зато Темочка вон какой растет – крепкий грибочек! И бабушка у него есть, и дедушка... Слава богу, молодые, здоровые. Ничего, все хорошо будет... Может, и впрямь жизнь только начинается в сорок лет...

Громкий крик Темочки вывел ее из задумчивости, и она подскочила со скамьи, бросилась к песочнице – что, что случилось? Кто тебя обидел, милый внучок? Анечка? Танечка? Нет, вроде с другой какой-то девочкой ссора вышла... И мамаша у песочницы стоит незнакомая... Тоже пришедшая, наверное. Вон как на нее подозрительно смотрят мамки Танеч-

ки с Анечкой!

Оказалось, Тема у девочки лопатку отобрал. Мало ему своей лопатки показалось, еще одну прихватил. Пришлось ему выговор устроить назидательным тоном:

– Тема, ну как не стыдно, а? Это же не твоя игрушка, отдай... У тебя же своя лопатка есть!

Тема стоял, набычившись. Сопел от напряжения. Мамаша взяла плачущую девочку на руки, проговорила довольно спокойно, быстро глянув на Катю:

– Ну что тебе, лопатки жалко, Сонечка? Пусть мальчик поиграет... Если ему хочется сразу двумя лопатками играть, то пусть, что ты...

Тема не выдержал такого «благородства», тоже заплакал. Да так сильно, будто его ужасно обидели. Катя коротко подумала про себя – наверное, вот так и благородством можно оскорбить человека... Лучше пусть ругают, чем так.

Взяла Тему на руки, молча прижала к себе, виновато глядя на мамашу. Мол, извините, мне даже сказать нечего...

Мамаша ей улыбнулась, проговорила тихо:

– Надо же, какой у вас впечатлительный сынок... Так заплакал горько...

– Да... Только это не сынок. Это мой внук Тема.

– Да что вы?! – искренне изумилась мамаша. – Неужели внук? Вы не шутите? Надо же, ни за что бы не подумала...

Катя улыбнулась мамаше благодарно. И даже не самой мамаше, а ее неподдельно искреннему недоумению. Приятно

же, черт возьми! Хотя... Что толку от этой приятности? Все равно – бабушка.

– Простите за нескромный вопрос... А сколько вам лет? Вы так молодо выглядите... – не унималась мамаша, продолжая ее разглядывать с пристрастием.

– Сегодня ровно сорок исполнилось... – вздохнув, улыбнулась Катя.

– Ой, да что вы? Ну, тогда с днем рождения вас...

– Спасибо. Спасибо большое. Вас как зовут?

– Лена... А дочка моя – Сонечка. А вашего сынишку... Ой, то есть внука... Темой зовут, да?

– Да. Темой. А я Катя. Вот и познакомились, что ж...

Тема давно перестал всхлипывать, глядел на Сонечку исподлобья. Она вдруг протянула ему свое ведро, проговорила звонко:

– На!

Тема улыбнулся, протянул Сонечке в ответ отобранную лопатку. Катя и Лена переглянулись, потом одновременно разжали руки, опустили детей обратно в песочницу, стали наблюдать, как они дружно начали раскапывать ямку. Тема, между прочим, от предложенного ведерка отказался. Выдержал характер. Молодец.

– Знаете, Катя, а я бы вам и сорока не дала... – проговорила Лена, улыбаясь. – Мне вот тридцать два, а мы с вами ничем, на мой взгляд, не отличаемся, правда! Только тем, что вы уже бабушка, как оказалось! Удивительно просто!

– Да, так уж получилось, ничего не попишешь...

Наверное, слишком уж грустно у нее это прозвучало. Новая знакомая глянула осторожно, ничего не ответила, стала смотреть, как дочка ловко орудует лопаткой в песочнице. А Катя опять задумалась...

Да. Так получилось. Ничего не попишешь. Да, в сорок лет – и уже бабушка. Но чего грустить-то? Жизнь ведь только началась, если следовать той самой киношной мудрости! А может, и наоборот... Может, на этом и кончилась вся жизнь, кто знает... Она-то ведь приняла звание бабушки безоговорочно, а вот дедушка... То есть Митя, дорогой и любимый муж... Ему ведь тоже сорок всего. Хоть и бодрится изо всех сил, но она-то своей женской душой чувствует, что все не так просто и безоблачно в их датском королевстве! Это ведь мужику еще привыкнуться надо, что он уже в дедушках числится... Как в том анекдоте – не страшно, мол, дедушкой стать, страшно сознавать, что спишь с бабушкой!

Хотя – это всего лишь грустные мысли, не больше. Для которых и предпосылок никаких не имеется. Это всего лишь страхи, которые поселились внутри. Дала им с утра слабину, загрустила, вот и поползли наружу, окаянные! Нельзя, нельзя ни о чем плохом думать, нельзя! Как мама всегда говорит, если вспомнить? Чего больше всего на свете боишься, то своим страхом и притягиваешь... Не успеешь опомниться, а оно уже сторожит за углом! Нет, нельзя ни о чем плохом думать, лучше хорошее вспоминать... Или вон, на оче-

редной телефонный звонок ответить, еще одни пожелания счастья-здоровья-удачи принять!

Ага, наконец-то. Доченька любимая позвонила, Лёлочка. Слава богу, про мамку вспомнила. И на том спасибо, что ж.

– Мамочка, поздравляю тебя! Целую-целую! Ты где сейчас, дома?

– Нет, Лёль... Мы с Темой гуляем еще. Скоро уже домой пойдем. А что, ты приехать хотела?

– Да нет, у нас с Женькой еще коллоквиум после обеда... Он тоже тебя поздравляет, кстати.

– Что ж, передай ему от меня спасибо...

– Да, конечно. Мы вечером в гости придем, мам. Народу много соберется, да?

– Нет, что ты, какой народ... Сорок лет вообще отмечать не положено, плохая примета. Только свои!

– А... Это значит, бабушка придет, тетя Наташа, тетя Маша с девчонками... И все?

– Ну да. И все. А кого тебе еще надо?

– Да нет, я просто так спросила, что ты. У меня к тебе еще просьба, мам... Скажи бабушке, пусть она на Женьку волком не смотрит, а? А то он стесняется жутко. Чем он ей не угодил, не знаю...

– Да отчего же не знаешь, Лёль? Все ты прекрасно знаешь. Сама же уговаривала бабушку, чтобы та не проговорилась ненароком... Я вот тоже этого не понимаю, Лёль... Почему ты так боишься того, что Женя узнает про Тему... Что он не

мой сын, а твой...

– Мам, ну что ты опять! Мы же договорились, кажется! И вообще... Если так, мы с Женькой вообще можем не приходиться... Ты же сама мне обещала, что...

Лёлин голос все нарастал высокой, почти слезной нотой – еще немного, и впрямь разрыдается! Тем более она права во всем... Действительно ведь, обещала...

– Ну все, Лёлечка, все... Извини меня, пожалуйста, доченька! Да, я поговорю с бабушкой, обязательно поговорю... Она старый человек, она не понимает всех этих наших договоренностей... Не понимает, как так получилось, что Темочка меня мамой зовет, а не тебя... Ей трудно это понять и принять, Лёлечка! Да что я тебе объясняю, ты и сама нашу бабушку знаешь!

– Да знаю, знаю... А с другой стороны... Ну согласишься, мам, Женька-то тут при чем? Он же квартиру снял, чтобы мы вместе жили... Он любит меня... Я для него – как ангел... Представляешь, что с ним будет, если я на его влюбленную голову всю правду вывалю, а? Что ангел забеременел в шестнадцать лет, а в семнадцать уже родил? Ты что, мам... У человека же все представления об ангелах сразу рухнут!

– А тебе так уж хочется быть ангелом, Лэль?

– Нет. Совсем не хочется. Но если уж так вышло, ничего не поделаешь. Приходится быть ангелом.

– Но ведь рано или поздно все равно он узнает, Лэль...

– Да пускай лучше поздно, мам! К тому времени все уже

изменится, все устаканится как-то... Вот тогда я ему всю правду и расскажу... Да мы же все это с тобой уже обсуждали, мам! Чего ты опять начинаешь?

– Ладно, ладно, ничего я не начинаю! Значит, вечером я тебя вместе с Женей жду в гости... Договорились?

– Да, мы придем. Женька тебе духи в подарок купил – обалденные! Мы вместе вчера выбирали... Ну все, до вечера, мам!

– До вечера, Лёлочка...

Положила телефон в карман платья и только сейчас обратила внимание, как смотрит на нее новая знакомая Лена. Очень озадаченно смотрит. Все услышала нечаянно, все поняла... Тем более что Лёля говорила довольно громко.

Но не станешь же ей ничего объяснять, а еще хуже, оправдываться! Это их дело, сугубо семейное! И вообще, пора уже домой возвращаться, надо Тему обедом кормить да спать укладывать... И в супермаркет по пути заскочить надо, прикупить кое-чего!

Быстро распрощавшись с Леной, она усадила недовольного Тему в коляску, пошла к выходу со двора. Чувствовала, как Лена провожает ее глазами... И неловкость от этого взгляда чувствовала. Не все, ох не все ладно в их датском королевстве, надо признать...

Особенно почему-то угнетала мысль, что дочь собирается вечером не домой к себе приходить, а в гости. Да, так у нее и звучит – мы с Женькой к вам в гости придем! Не к маме, не

к папе... И даже не к родному сыночку... А в гости! И когда это у Лёли такая интонация выработалась, не заметила?

А с другой стороны – чего возмущаться-то? Не с ее ли молчаливого благословения она выработалась, интересно? Ведь сама все за Лёльку решила тогда... И как, как можно было решить по-другому? Не было тогда никаких других решений, только так...

– Через парк пойдем, Темочка! Там хорошо сейчас... Выйдем из парка, еще в супермаркет зайдем... Ты ведь не будешь хныкать, правда? Хорошо будешь себя вести?

Бормотала себе под нос, будто убегала от грустных мыслей. Майское солнце било по глазам, сладко пахло цветущей сиренью и молодой травой. Пожалуй, самый праздничный месяц в году – май...

И тогда тоже был май – два года назад. И тоже был день ее рождения. Аккурат в тот день любимая дочка Лёлочка, будучи шестнадцати лет от роду, преподнесла им с Митей такой неожиданный подарок.

Она и сейчас помнит, как это было... В мельчайших деталях помнит, хотя случилось все два года назад...

* * *

...Тебе что, плохо? Неужели отравилась чем-то? – взывала испуганно Катя, стоя у закрытой двери в ванную.

– Нет, мам... Отстань... Я сейчас выйду... – слышался

оттуда наконец сдавленный голос Лёли. – Иди на кухню, мам, я сейчас приду...

Катя испуганно пожала плечами, молча двинулась на кухню. Вот же незадача какая! Скоро гости придут, а Лёльке нехорошо... С самого утра она вялая была, бледная. И задумчивая. Катя сунулась было с вопросом – поссорилась с Олегом, что ли? Но Лёлька так на нее взглянула, что дальше расспрашивать расхотелось. Слишком уж носилась доченька со своей первой любовью, все ей казалось, что родительское любопытство эту любовь оскорбляет...

Конечно, у Кати сразу в голове вспыхнула испуганная подозрительная мыслишка, когда вдруг Лёльку ближе к вечеру тошнить начало. Но она быстренько сама себя устыдила, на место поставила – нельзя так думать о дочери! Да и в конце-то концов... Сколько всего было на эту щекотливую тему переговорено, сколько всяческой профилактической всячины по карманам школьного рюкзака рассовано! Правда, Лёлька ужасно сердилась на эту «всячину», краской стыдливой заливалась и фыркала без конца, но ведь никто влюбленного пыла двух юных дураков не отменит и в головы им взрослый разум не вставит... Мало ли, как там и что пойдет...

На кухне было еще полно дел – и салаты еще не готовы, и горячее в духовку пора ставить, и вообще... Мало ли у хозяйки забот перед приходом гостей? Одной трудно, не справляется. Была одна помощница, любимая доченька, да и та

заболела по неизвестным причинам...

Или все-таки известным?

Да ну...

Нет, быть этого не может!

А вдруг?!

Вот не зря, не зря Митя так часто стал в последнее время повторять эту выученную когда-то на школьных уроках литературы фразу – «что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом!» Повторял и очень гордился при этом. Вот, мол, какой я умный. Однажды она у него спросила:

– Мить... А ты помнишь, откуда эта фраза? Кто ее автор?

– Как это – кто? Пушкин, конечно!

– Нет, Митенька, не Пушкин... Это Грибоедов, «Горе от ума»... Это Фамусов так сказал, отец той самой взрослой дочери.

– Да? Ну и что, подумаешь... И вообще, зачем ты меня спросила сейчас? Хочешь сказать, что ты умная женщина, а я так себе, всего лишь муж умной женщины?

– Да ладно тебе... Ничего я такого не хотела. Я же знаю, что ты у меня самый умный. А Грибоедова с Пушкиным очень легко перепутать, не ты один такой...

– Ну? И какой?

– Отстань, Мить! Лучше с Лёлькой поговори лишний раз, расскажи, как там у мужиков это все происходит... Когда они влюбляются и голову теряют... Ну просто для информации, что ли!

– Ну уж нет! Это уж без меня, ради бога! Все эти ваши женские штучки... Ты же мать, ты и ве́ди с дочерью интимные разговоры! Не хватало еще, чтобы я... Нет, нет, что ты...

– А мне легко, думаешь, с ней на эти темы разговаривать? Я когда подхожу к Лёльке с этим, вообще себя идиоткой чувствую! Она еще и смотрит на меня так, будто я и впрямь немного свихнулась... Еще и плечами поводит брезгливо... А однажды не вытерпела и выпалила – не надо, мам, пожалуйста! Не могу от тебя ничего подобного слышать! Я сама во всем разберусь, мам!

– Ага, разберется она, как же... Влюбилась, голову совсем потеряла... Не могла пару лет подождать, что ли? Так рано-то зачем...

– Ну Мить, что ты... Мы же с тобой не можем руководить этим процессом, сам понимаешь!

– Да понимаю, понимаю, не учи ученого. Родители в данном случае – не авторитет. А в школе им разве ничего такого... Не преподают?

– В смысле?

– Ну, в порядке поучительной информации. Одно время ведь было что-то такое...

– Нет. Ничего такого сейчас не преподают. Я даже пыталась у классной руководительницы как-то спросить – можно ли, мол, с девочкой на сексуальные темы беседовать? И знаешь, что она мне ответила?

– Что?

– Сначала глянула на меня так хитро, потом усмехнулась и говорит – да беседуйте на здоровье на эти самые темы, что ж... Может, ваш ребенок вам что-то новенькое расскажет, вам же на пользу и пойдет...

– Что, прямо так и ответила?

– Ну да...

– Вот сволочь!

– Да отчего же сволочь, Мить? Она имела в виду, что нынешние детки гораздо больше в этих вопросах разбираются, чем их родители, только и всего!

– Да ну... Что, и наша Лёлька?!

– Ну откуда я знаю, Мить? Что ты такие дурацкие вопросы задаешь?

– Ты же мать, ты все должна знать...

– А ты отец! И ты не меньше моего должен знать, что происходит с нашей дочерью!

– Что происходит, что происходит... Ничего особенного не происходит. Подумаешь, влюбилась! Сама-то вспомни себя в ее возрасте! Сколько тебе лет было, когда Лёлькой забеременела?

– Так мне девятнадцать было... А когда родила – уже двадцать... А Лёльке шестнадцать всего!

– Ну, скоро уже семнадцать будет, допустим...

– Ой, Мить! Все равно она еще ребенок! Да и сами мы... Не совсем еще взрослые, как мне кажется.

– Ну, ты и не взрослая, может... А я вполне! Да и ты могла

в свои шестнадцать... Не помнишь, что ли, как мы сходили с ума? Тоже ведь были влюблены...

– Ты так говоришь, будто допускаешь, что Лёлька может в шестнадцать...

– Да ничего я такого не говорю! Ты сама завела этот разговор, между прочим! И все, и не будем больше об этом, хватит! Все с Лёлькой будет нормально, нечего делать из мухи слона!

Конечно, нечего. Кто ж спорит. И тогда, месяц назад, когда их разговор состоялся, ни мух, ни слонов еще и в помине не было. А сегодня? Как быть теперь с этим... Что ее в ванной наружу выворачивает?

Катя бросила из рук нож, которым нарезала овощи для салата, снова подошла к двери ванной, спросила громко:

– Лёль, ты как?

Тишина. Только слышно, как льется вода из крана.

– Лёль, открой мне немедленно, слышишь?

– Да все в порядке, мам... Я сейчас выйду. Через пять минут...

Голос вроде нормальный. Ладно, пусть будет пять минут. Подождем... Тем более звонит кто-то, слышно, как телефон на кухне надывается.

Звонила Маша, проговорила весело в ухо:

– Ну как ты, именинница? Не надорвалась еще на кухонных работах? Может, тебе помочь?

– Да я бы не отказалась от помощи, Маш. Одна помощ-

ница была, да сплыла. Вон, уже почти час как в ванной заперлась...

– А что она там делает целый час? Красоту наводит?

– Да если бы! Она там блюет что есть силы...

– Да ты что? Отравилась чем-то, что ли?

– Не знаю. Не говорит. А я не знаю, что и думать. Вернее, знаю, что думать, но боюсь даже вслух произнести.

– Слушай, Кать... А может, она... Того... Ой, я тоже вслух боюсь произнести...

– Бойся не бойся, Маш, а надо. Потому что из ума не выходит. Ребенку шестнадцать всего, только-только школу заканчивает, в институт собирается поступать...

– Ну так возьми и спроси у нее в лоб, делов-то! Или этого... Паренька ее к стене прижми! У тебя есть его телефон?

– Да что ты, Маш... Не буду я ему звонить, Лёлька мне этого не простит! Тем более они вроде поссорились... Что-то давно его не видно, а раньше дневал-ночевал у нас...

– Ночевал?!

– Да не, это я так, иносказательно... В том смысле, что раньше они с Лёлькой неразлейвода были. Первая любовь, сама понимаешь.

– А он тоже еще ребенок или постарше?

– Он вроде на втором курсе учится... В медицинском... Или на третьем уже... Взрослый мальчик совсем, серьезный такой.

– Что ж... Если в медицинском, то это обнадеживает. Зна-

чит, кой-чего в анатомии понимает и знает, откуда дети берутся. Хотя... Юным гормонам вся эта анатомия по фигу, когда приспичит... А ты не говорила с ним на эти темы, что ли?

– Да как я буду с ним говорить, ты что!

– Да очень просто! Взяла да и поговорила, напостила бы ему про Лёлькин возраст! Тоже, связался студент с малолеткой, голову потерял! Теперь пусть сам и расхлебывает!

– Ой, Маш, не пугай меня, а? Я и так себя каким-то страусом чувствую, который готов бежать в поисках песочка, куда можно испуганную голову спрятать...

– Ладно, не буду пугать. Сейчас девчонок с гимнастики заберу, и мы все придем к тебе – помогать со столом. Слава богу, они у меня еще сопливые и от подобных переживаний я избавлена... Думаю, лет десять спокойных у меня впереди есть...

– Давай, Маш... Приходи... Все, отключаюсь, вроде Лёлька из ванной вышла!

Лёля оказалась в дверях, глядела на нее исподлобья. Наверное, услышала конец ее разговора с Машей. Про страуса, который мечтает голову в песок спрятать. Но спрашивать ничего не стала, села на кухонный стул, завесила лицо мокрыми длинными прядями. Катя вдруг увидела, как мелко трясутся ее худенькие плечики, как жалко выглядят острые коленки из распахнувшегося халатика. Желтого, махрового, с уточками. В «Детском мире» недавно купили...

– Лёлочка, доченька, что с тобой? Ты расскажи, тебе же легче будет... Расскажи, я ж не чужая тебе, я все пойму! Не бойся!

– Да я не боюсь, мам... Просто мне плохо, очень плохо! Так плохо, что бояться уже и сил нет...

– Ты беременна, Лель? Скажи, не бойся...

– Да, мам. Я беременна. И я не знаю, как мне со всем этим быть... Не знаю, понимаешь?

О-ох... Вот оно как, значит. Как чувствовала, не зря боялась...

Но и охать нельзя вслух, сдержаться надо. Что теперь толку охать? Надо больше спокойствия и уверенности голосу придать...

– Ну не плачь, Лёлочка, не плачь... Во-первых, надо Олегу об этом сказать. А потом...

Не получилось как-то с уверенностью и спокойствием. Голос дрожит испуганно. Еще и Лелька смотрит на нее так сердито, будто это она сейчас ей в чем-то подобном призналась, а не наоборот.

– Да какому Олегу, о чем ты вообще говоришь, мам? Еще скажи, родителям его надо сказать!

– И родителям тоже, я думаю...

– Да зачем?! Этого еще не хватало! Тем более мы расстались с ним давно...

– Как это – давно? Вроде еще недавно он приходил...

– Давно, мам! Две недели назад! Нет больше Олега, все,

мам! И не будет! И не спрашивай меня больше о нем, не хочу! Все! Все! Лучше помоги мне... Подскажи, что делать... Как это... Куда идти... Ну, чтобы... Не было никакой беременности...

– Ты хочешь избавиться от ребенка? Ты уверена?

– Мам, ну не смейся меня, а? Где я – и где ребенок, ты что? Мне же еще экзамены сдавать, в институт поступать... И вообще...

– Что – вообще, Лёль? Как у тебя все это звучит легко...

– Ты хочешь сказать, как мне не стыдно, да? О чем я думала, где моя голова была? Не знаю я, где моя голова была, не знаю! Я и сама не понимаю, как это все так... Получилось...

– Но ведь я тебе все объясняла, Лёль! Ты отмахивалась, конечно, не слушала меня, но ведь я тебе все объясняла... Как же так, Лёль?

– Ой, вот давай без этого, ладно? Я ж тебе тоже сейчас объясняю – сама не понимаю, как все случилось! Или ты хочешь, чтобы я волосы на себе рвала и каялась, и прощения просила? Нет, я могу, конечно... Если хочешь... Только чем это мне поможет? Если уж все случилось... Надо ведь делать что-то, а не рассуждать, отчего да почему...

– Рассудительность еще никому в жизни не помешала, Лёль! И вообще... Почему ты со мной в таком тоне разговариваешь? Ты видишь, у меня и без того руки трясутся? Вот, смотри...

Катя зачем-то вытянула вперед руки с трясущимися ладо-

нями, сглотнула трудно. Лёля глянула виновато, пожала плечиками, проговорила тихо:

– Прости, мам, прости... Я и сама сейчас в шоке... Но что же делать, мам?

– Ты у меня спрашиваешь, что делать?

– У тебя... А у кого мне еще спрашивать? Просто помоги решить проблему, сделай что-нибудь, мам! Подскажи, как это... Куда надо идти... Чтобы там сразу, без всяких лишних расспросов все сделали... А лучше, если ты вместе со мной туда пойдешь, мам...

Катя с огромным трудом подавила в себе законную злость – как без нее в данном случае обойдешься? А может, и не надо было ее давить... А наоборот, наружу выпустить! Выпалить что-нибудь этакое, чтоб Лёлька в чувство пришла! Когда влюблена по уши была, то мамку с собой не звала! А сейчас, стало быть, пойдём со мной, мамочка! Помоги! Приведи за ручку туда, где все сделают и лишних вопросов не зададут!

Жаль, что нельзя вот так... Выпалить от души. Надо хорошей матерью быть. Понимающей. Всепрощающей. Да она такая и есть, в общем... Любит ведь без ума свою доченьку, Лёлечку боготворимую! И Митя любит... Оба трясутся над ней, как два дурня. Как родили, так и трясутся...

– Не плачь, Лёль... Не плачь. Я думаю, сходить куда надо мы с тобой еще успеем. А вот Олегу все же надо сказать... Он имеет право хотя бы знать...

– Да нет у него никакого права, мам! Ты что, меня совсем не слышишь, да? Нет больше Олега, нет... Расстались мы... И вообще, он с родителями в Новосибирск уезжает, туда его отца переводят! Может, уже уехал, не знаю...

– Так он же здесь в медицинском учится!

– Значит, перевелся уже. И сессию летнюю сдавать уже там будет. Что, в Новосибирске медицинского института нет, что ли? Они везде есть...

– Вы из-за этого поссорились, да? Что он решил вместе с родителями уехать?

– Да какая разница, мам... Но если тебе так хочется знать – нет, не из-за этого... Просто он предал меня, понимаешь? Взял и предал... И все, все! Нет больше Олега. И точка. Не спрашивай меня о нем больше. Ты просто помоги мне сделать все побыстрее, у меня же экзамены начинаются!

– Господи... Еще и побыстрее! Как у тебя все просто, Ольга!

С перепугу, наверное, назвала дочь полным именем. Как-то само собой выскочило не Лёля, а Ольга. Уже и не вспомнить, когда она свою доченьку так называла. Непривычно. Вон и доченька смотрит удивленно и чуть затравленно...

В дверь позвонили, и обе они вздрогнули от неожиданности. Лёля дрожащей рукой запахнула халатик, проговорила испуганным шепотком:

– Что, уже гости пришли, да?

– Нет, это Маша с девчонками... Помогать мне будут... А

ты иди к себе в комнату, Лёль, приведи себя в порядок.

– Ага... А ты тете Маше расскажешь про меня, да? Не рассказывай, мам...

– Ладно. Посмотрим по обстоятельствам... Если даже расскажу, хуже не будет. Может, она подскажет чего...

Маша ворвалась в прихожую, как всегда, буйным радостным ветром, обняла ее, закружила:

– Именинница ты моя, еще раз тебя поздравляю! Девчонки, а ну все вместе подергаем тетю Катю за уши!

Племянницы Саша и Даша тут же зашлись счастливым визгом, запрыгали вокруг Кати, и в самом деле пытались схватить за уши. Катя едва их уgomонила...

– А что это с тобой, а? – вгляделась, наконец, в ее лицо Маша. – Какая-то ты... Будто наизнанку вывернутая. Неужели... Действительно с Лёлькой беда?

Катя лишь улыбнулась жалко и махнула рукой, боясь расплакаться. Потом скомандовала тихо:

– Иди в гостиную, Маш, включи там телевизор девчонкам, пусть пока мультики смотрят... А сама на кухню приходи...

– Ладно. Поняла. Сделаю. Ох ты, господи, да что ж такое... Вот все у нас не слава богу, зараза...

– Зараза – плохое слово! – устыдила мать племянница Даша.

– Да ладно, плохое! Вполне себе нормальное слово! – отмахнулась от дочери Маша, подталкивая ее в гостиную. – Соплюха еще, чтобы мать учить, поняла!

– И соплюха – тоже плохое слово! – не сдавалась Даша.

– А кто здесь шибко грамотный, тот мультик не будет смотреть! Поняла? Иди давай, не до воспитания мне сейчас... Мне с тетей Машей поговорить надо...

Вернувшись из гостиной на кухню, Маша развела бурную деятельность, то есть взяла все хозяйство в свои ловкие руки. Первым делом заглянула в духовку, потом встала к столу, принялась готовить салаты.

А Катя уже ничего делать не могла. Сидела на стуле, сцепив руки, смотрела прямо перед собой. И жадно внимала оптимистически настроенной сестре.

– Да ладно, Кать... Чего теперь уж так убиваться-то? Ну, получилось и получилось... И понятно, что вовсе не хочет она никакого ребенка, потому что сама еще ребенок! Да и вообще... Не первая твоя Лёлька и не последняя, кто в такую ситуацию попадает! Давай лучше конкретно будем что-то соображать... Я знаю, что у Натальи приятельница есть, она вроде отличный врач-гинеколог...

– Ой, я тебя умоляю, Маш! – слабо отозвалась Катя, махнув ладонью. – Не хватало еще с Наташей все это обсуждать! Ты же знаешь, какая у нас с тобой старшая сестра... Тут же приговор вынесет и расстреливать меня начнет! Стыдить, что я плохо дочь воспитала!

– Ой, да пусть стыдит, сколько хочет! А ты молчи! Глазки вниз опусти и молчи! Зато Наталья твою Лёльку к хорошему врачу отведет! Тут, знаешь, к плохому попадать никак нель-

зя... Все-таки первый аборт, да еще в таком возрасте...

– Да. Я с тобой согласна, Маш. Тут большая осторожность нужна.

– Ну вот и решили! Ты иди, переоденься пока, носик по-пудри, глазки подкрась, а то на тебя смотреть больно! А я тут сама уже управлюсь! Иди, иди... Скоро уже наши родственники собираться начнут... А ты выйдешь к ним вся такая, бледно-зеленая! Мама сразу неладное заподозрит, она ж у нас бдительная не в меру!

– Ой, только маме этого не надо рассказывать, Маш!

– Кать, ну я тебя умоляю! А то я не знаю, что маме нельзя рассказывать!

– И Наташе надо сказать, чтоб маме не говорила...

– Ладно, скажем, не бойся. Иди давай...

– Спасибо тебе, Маш. Ты, как всегда, служишь палочкой-выручалочкой. Такая вся... Хозяюшка-семиделка!

– Ну да... Только никто этого не ценит...

– Так я ценю!

– Да что – ты... Вот если бы мужичок хороший какой заценил... Тогда бы и комплимент имел большую ценность. А так... Ладно, иди, не смотри на меня оленьими жалостливыми глазами! Ничего, будет и на моей улице праздник, и на моей улице грузовичок с мужичком опрокинется!

Катя улыбнулась, кивнула головой, соглашаясь. А про себя подумала – и впрямь, где тот потенциальный грузовичок на дороге застрял? Такая девка пропадает – кровь с молоком!

И умная, и веселая, и хозяйственная, и готовит прекрасно! Все у нее в руках горит! Вот бы и правда ее пристроить...

Но своя грусть заглушила эти прекрасные мысли. Пока одевалась и приводила себя в порядок, все думала и думала о Лёльке – как же так-то, за что... И Мите еще надо сказать... Причем так сказать, чтобы он спокойно эту новость воспринял...

А может, и не надо ему говорить. Сами как-нибудь все решат. Потихоньку...

Из прихожей уже доносился шум – Маша встречала гостей. По голосам слышно – мама с Наташей пришли. Пора выходить, встречать с радостной улыбкой. И к Лёльке в комнату заглянуть надо, чтобы она эту радостную улыбку на лице матери увидела. Может, взбодрится как-то...

– Катюша, доченька моя дорогая, с днем рождения! – распростерла руки навстречу ей мама. – Дай я тебя обниму... А чего ты худая такая? Опять на диете сидишь? Вот сколько можно тебе говорить – вредно это для организма! Тем более для твоего!

– А почему тем более для моего, мам? – со смехом переспросила Катя.

– Почему, почему... Возраст у тебя такой, вот почему! Беречь себя надо! Может, еще одного ребеночка родишь... Митя, поди, сына хочет?

– Да ты что, мам! – опешила Катя, отступая назад. – Какое там – родишь! Скажешь тоже! Вон, мне сегодня уже трид-

цать восемь стукнуло!

– Ну и что? Самый подходящий возраст для второго ребеночка! Чего ты на меня так смотришь, будто я бог весть какую ерунду говорю?

– Да нет, что ты... Просто я... Растерялась как-то...

Катя и Маша обменялись вороватыми взглядами, что, впрочем, не укрылось и от мамы, потому что она спросила быстро и радостно:

– Что, я угадала, да? Будет все же второй ребеночек?

– Нет, мам, что ты... Нет, конечно...

– Врешь поди? Скрываешь от матери, да?

– Мам, пойдем, ты мне на кухне нужна! – быстро пришла на помощь Маша, беря маму под локоток и делая озабоченное лицо. – Вернее, твой совет нужен... Мне кажется, мы с Каткой мясо в духовке передержали... Глянь своим опытным глазом, а?

– Ну что ж, пойдем, я гляну... – согласилась мама, направляясь вслед за Машей на кухню. – Так вы, девки, и не научились хорошо готовить, сколько я ни старалась! Ничего без матери не можете! А вот помру я, кто вам тогда советы давать будет?

– А ты не помирай, мам. Живи долго. Куда ж мы без твоих советов-то, и впрямь пропадем.

– Ну, это уж как получится, мы годам своим не властны... – вздохнула мама, не учуяв в голосе Маши едва заметной нотки насмешливости. И хорошо, что не учуяла. Иначе

обиделась бы...

Старшая сестра Наташа все это время молча стояла в прихожей у зеркала, вроде как поправляла причёску. На самом же деле наблюдала за ними очень внимательно. Видно было, что она отметила про себя и бледное, испуганное Лёлькино лицо, и Катину нарочито веселую суматоху, дополненную дурацкой счастливой улыбкой. И потому, обернувшись от зеркала, спросила в лоб:

– Что у вас происходит, девчонки? Что-то случилось, да?

– Нет, Наташ, ничего у нас не случилось! – бодро, будто по инерции, ответила Катя, но тут же вздохнула и опустила голову вниз, и легонько сжала пальцами Лёлино тонкое запястье, будто предупредила – терпи, доченька, так надо...

– Понятно! Значит, у Лёльки проблемы! – вынесла свой вердикт Наталья. – Правильно я догадалась, да? Меня ведь не обманешь, Кать, ты же знаешь...

Да. Это действительно было так. Наталью обмануть было практически невозможно. Маму – да, сколько угодно, а Наталью – нет... Она была для них с Машей таким всевидящим оком в их детстве, строгим и справедливым воспитателем, железным командором. Шутка ли – семнадцать лет разницы! Мама родила Наталью в первом своем браке и рассказывала им как-то, что и отец у Натальи был такой – жесткий и справедливый. Военный был, офицер. Погиб на учениях. Потом мама второй раз замуж вышла, они с Машкой были у нее поздними детьми... Хотя и со вторым мужем ма-

ма недолго прожила, тоже, как говаривала, судьба забрала слишком быстро. Они и не помнили отца почти... Выросли, утекли из родительского дома, а Наталья так и осталась с мамой, замуж не вышла. Да и кто польстился бы на такой командорский характер? Кому ж охота жить под прицелом и вышагивать день ото дня по одной половице? Желающих не оказалось. Зато мама жила за Наталиной спиной как у Христа за пазухой – в ее-то солидном возрасте. Другие женщины в ее годы немощными старушками выглядят, а мама – ничего, бодренько так!

– Ладно, потом расскажете... После всех посиделок застольных... – тихо проговорила Наталья, проходя мимо них в гостиную. – Пойду с малышкой поздороваюсь... Это что, опять они эти ужасные мультики смотрят? – уже из гостиной послышался ее строгий голос. – Да что это такое, а? Вот я сейчас вашей матери выговор сделаю, ага!

– Теть Наташ, не надо, не ругайте ее... – пискляво заступилась за мать Даша. – Это же очень хороший мультик, про Губку Боба!

– Да что в нем хорошего, объясни? Такие мультики ваши детские головы мусором засоряют! Они ж никакого посыла не несут, интеллектом там и не пахнет!

Катя и Лёля стояли в дверях гостиной, невольно слушали эту перепалку. Наконец Лёля произнесла тихо, просительно:

– Ну пусть смотрят, тетя Наташ... Они же в гости пришли, а в гостях все можно...

– Это кто тебе такую ерунду сказал, Ольга? – сердито повернулась к Лёле Наталья. – Во-первых, в гостях можно далеко не все, есть определенные правила приличия! А во-вторых... Запомни раз и навсегда – надо обязательно отслеживать то, что смотрят в телевизоре твои дети! Ведь у тебя тоже когда-то будут дети? Лет через десять, верно?

Лёля сжалась, отступила на шаг, будто пыталась укрыться за спиной матери. Катя хотела было что-то ответить Наталье – легкое, со смешинкой, чтобы разрядить обстановку, – но не успела, потому что на плечо ей легла Митина рука. Подняла голову, улыбнулась, проговорила быстро:

– Ой, Митя! Я и не услышала, когда ты пришел!

– Да, я торопился, как мог... У любимой жены день рождения, а у меня на работе завал! Ну что, кажется, все в сборе? Садимся? А то я голодный – жуть...

– Ой, Митечка, привет! – выбежала из кухни с наполненными салатницами в руках Маша. – Рада тебя видеть, дорогой! Все, садимся, садимся! Мужчина у нас голодный! Ни минуты больше не будем ждать!

– Да, да, садимся... – вышла из кухни и мама. – Дай, Митенька, я тебя обниму... Золотой ты мой... Сиротинушка... Мы с твоей мамочкой хорошо дружили, царствие ей небесное, вечный покой...

– Мам, перестань! Ну чего ты... – тихо окликнула ее Наталья. – Тоже, нашла время... Сегодня ж не поминки, сегодня у Катюши день рождения...

– Да неуж я не знаю? Из ума-то еще не выжила... – беззлобно огрызнулась мама, первой садясь за праздничный стол.

И все тут же расселись быстро, и Митя открыл шампанское, произнес тост. Как всегда, один и тот же. Сказал, что жена у него самая красивая, самая умная, что ему страшно повезло в жизни. Как весело было в этот момент на маму смотреть, боже мой! Каждое Митино слово она сопровождала важным кивком головы, будто соглашаясь – да, да, все верно... Так и есть – Катенька самая-самая... А какой еще должна быть ее дочь? Только такой – самой-самой, и никак иначе!

Маша слушала Митю с доброй и грустной улыбкой. Наверное, завидовала белой пушистой завистью. Только так – белой и пушистой. И никак иначе. Катя это наверняка знала. Родная ж сестра, кровиночка... А Наталья слушала ее мужа с легкой усмешечкой на губах – ну-ну, мол, говори, говори... Знаю я вас, краснобаев! Никому в этой жизни верить нельзя...

В общем, все началось, как обычно. Рядовое семейное застолье в день рождения.

Да, все как обычно... Да не совсем... Если б они знали, какой подарок приготовила для матери в этот день ее доченька Лёлочка! Если бы Митя знал...

Хотя Наталья, судя по ее виду, и сама обо всем догадалась. Вон как проследила взглядом за Лёлькой, вдруг выскочив-

шей из-за стола. И промолчала, ничего не спросила, когда та вернулась иссиня-бледной. Зато Митя спросил заботливо:

– Что с тобой, Лёлочка? Тебе плохо? Какая-то ты странная сегодня...

– Да ничего, пап... Это пройдет... Просто ночью плохо спала...

Он хмельной был уже, Митя. Расслабленный, веселый. Ничегошеньки не понял, не заметил...

Катя внимательно глянула в глаза дочери. Та попросила ее жалобным взглядом – папе не говори ничего, пожалуйста! Наталья перехватила их молчаливый диалог, вздохнула тяжело, опрокинула в себя рюмку водки.

Мама первой сомлела от вкусной еды, от выпитого вина, от шумного застолья. Наталья предложила заботливо:

– Иди, мам, приляг... А мы пока со стола уберем и к чаю накроем. Хорошо?

– Да, я прилягу, пожалуй... Помоги-ка мне встать...

– Мам, я тоже к себе пойду, ладно? – тихо попросила Лёля.

– Иди... – разрешила Катя, убирая со стола.

Потом они сидели втроем на кухне – Наташа, Маша и Катя. Обсуждали сложившуюся ситуацию. Шепотом обсуждали, чтобы Митя не услышал. Да он и не мог услышать – прильнул в гостиной к экрану телевизора, где как раз завершался какой-то важный футбольный матч.

– ...Да о чем тут вообще рассуждать! Конечно, аборт, и

только аборт! – резко проговорила Наталья, разминая в руках сигарету. – Девчонке шестнадцать всего, какой может быть ребенок! Ей еще в институт поступать!

– Вот и она так же говорит... – тихо прошелестела Катя. – Ничего не хочу, мол... Сделай что-нибудь, мам, да побыстрее...

– Ты тоже хороша, милая! Сама виновата, не уследила! – сердито бросила Наталья, закуривая наконец сигарету. – Ты же мать, ты же должна была за девкой во все глаза глядеть!

– Да как, как во все глаза-то? Со свечкой, что ли, за ней ходить?

– Да! И со свечкой! А как ты хотела? Да если б со мной так... Если бы моя дочь...

– Ну ладно, ладно... – миролюбиво произнесла Маша, оглаживая сестер по плечам. – Чего обе развоевались-то? Надо теперь из факта исходить, что уж теперь! Из вынужденного обстоятельства! Наташ, у тебя вроде знакомая есть по этому делу, насколько я знаю?

– Да есть, есть... Приятельница моя, Аня Самойлова. Она очень хороший врач, к ней на прием просто так и не попадешь. Я позвоню ей завтра... Попрошу, объясню все... А ты, Кать, будь на телефоне, жди моего звонка, поняла? И чтоб не опаздывали, минута в минуту с Лёлькой явились! Ну все, закругляемся, пойдемте чай пить... Кажется, мама уже поднялась... Еще услышит наш разговор, не дай бог!

Уже следующим днем Катя с дочерью сидели в кабинете

Анны Витальевны, той самой Ани, приятельницы Наташи. Катя чувствовала, как напряжена была Лёля – дрожала мелко, как осиновый лист. Взяла ее холодную ладонь в свои руки, сжала сильно. Этот ее жест не укрылся от глаз Анны Витальевны, потому что та вздохнула и хмыкнула неопределенно – то ли пожалела ее, то ли не одобрила такое проявление материнских чувств.

– Ну что, Анна Витальевна? Поможете нам... в нашей неприятности? – осторожно спросила Катя, не выпуская из рук трясущиеся пальцы дочери.

Анна Витальевна еще помолчала, потом проговорила медленно:

– Я бы не торопилась называть произошедшее с вашей дочерью неприятностью, Катя... Не надо заранее вешать ярлык...

– Простите, Анна Витальевна. Конечно, я неправильно выразилась. Простите. Но вы же видите, в каком состоянии сейчас находится Лёля... И нам бы хотелось побыстрее... Решить вопрос...

– А в каком таком она состоянии находится, интересно? В самом обычном состоянии для ее положения! Ну да, нервничает, конечно... Я предполагаю, еще и токсикоз ее замучил. Ведь так?

– Да, так. А у нее экзамены впереди. Потому мы и хотели бы как можно скорее... Помогите нам, пожалуйста, Анна Витальевна!

– Да помочь-то, конечно, можно... Да только нужно ли? Боюсь, что эта помощь окажется медвежьей услугой для вашей девочки, вот в чем дело.

– Как это? Почему?

– Да потому... Нельзя ей аборт делать, по всем показателям нельзя. Слишком большой риск. Может статься, что потом она вообще не сможет родить... Понимаете?

– Но... Как же тогда быть... – испуганно пролепетала Катя.

– Как, как... Обыкновенно, как! Рожать надо, вот и все! Не хотите же вы испортить судьбу дочери? И не смотрите на меня так, я знаю, что говорю, не первый год работаю, всякого повидала... И знаю, чем такие ранние аборты у многих девочек заканчиваются! Знаю, как они потом по врачам ходят, мучаются, а забеременеть не могут, и никакое ЭКО им не помогает! У вас как раз такой случай... Нельзя вам делать аборт, нельзя! Если не хотите сделать несчастной свою дочь – нельзя!

Катя почувствовала, как перестали трястись в ее ладони Лёлины пальцы. Будто одеревенели вдруг. Повернула голову, глянула Лёле в лицо... Оно было бледным и злым, глаза смотрели на Анну Витальевну так враждебно, что ей стало даже неловко за дочь. И потому она еще сильнее стиснула в ладони Лёлины пальцы и даже встряхнула ее руку слегка, будто хотела сказать – опомнись, что ты...

Но жест ее произвел обратный эффект. Лёля вовсе не

опомнилась, а наоборот, заговорила вдруг злобно и быстро:

– Да не хочу я никакого ребенка, не хочу, как вы не понимаете! Не надо мне! И не бойтесь, я к вам больше никогда не приду и ни о чем просить не буду! Пожалуйста, сделайте все побыстрее, прямо сегодня, вот прямо сейчас! Потому что я не могу больше, не могу, как вы этого не понимаете?

Видимо, злобный запал закончился слишком быстро, и в следующую секунду Лёля уже разрыдалась, да так громко и отчаянно, что Катя даже растерялась слегка... Никогда, никогда она не видела, чтобы дочь билась в такой истерике. Всегда такая спокойная девчонка была... Глянула испуганно на Анну Витальевну, будто хотела спросить – что делать-то?

– Да ничего, ничего... Не переживайте, – ответила та очень спокойно. – Это пройдет потом. Вот нормализуется гормональный фон, и пройдет...

– Но я не хочу, не хочу! Почему вы за меня все решаете! Кто вас просит! Не хотите делать аборт – и не надо! Я к другому врачу пойду, и он все сделает! – сквозь истерику прорыдала Лёля. – Мама, пойдем отсюда, чего мы тут!.. Зачем будем все это слушать!

– А ну, выйди сейчас же из кабинета! – вдруг сердито повысила голос Анна Витальевна. – Выйди, выйди! Посиди на кушетке в коридоре и успокойся! Сиди и жди мать! Ишь, раскомандовалась тут, надо же!

Лёля подскочила со стула, выбежала за дверь, и Катя тоже было хотела встать и выйти, но Анна Витальевна остановила

ее:

– Погодите, Катя, мы еще не договорили! Останьтесь!

Катя послушно вернулась на свой стул, проговорила очень тихо, глядя в сторону:

– Что же теперь делать, в самом деле... Просто ума не приложу...

– А не надо ничего никуда прикладывать, оставьте свой ум в покое. Тут сердце надо включать, да терпение, да вашу материнскую прозорливость. Поверьте мне как специалисту... Нельзя вам аборт, нельзя...

– А что, риск и впрямь очень большой?

– Да, очень. Это я вам как специалист говорю. Вам ничего больше не остается, как просто поверить мне на слово. Если хотите, я могу и с медицинской точки зрения объяснить... Но это сложно...

– Не надо, я вам верю, Анна Витальевна. И все же... Ведь есть хоть какая-то вероятность, что все может и обойтись вполне благополучно? Ведь есть?

– А вы, стало быть, хотите рискнуть, я правильно понимаю?

– Ну... Не знаю... Вы же видите, как моя дочь категорически настроена...

– Ну да, ну да. Все в ее возрасте излишней категоричностью страдают, это понятно. Хочу, мол, чтобы сейчас и сегодня было так, как хочу! Но вы же взрослый человек, вы мать, вы понимать должны, а не рассуждать о степени веро-

ятности! Неужели вы будете рисковать будущим дочери, сами подумайте? Знаете, сколько я таких рискованных повидала на своей практике?

– Да я все понимаю, Анна Витальевна... Понимаю, что вы, по сути, правы. Но что делать, если она не хочет рожать? Как я могу ее заставить?

– Вы мать, вы все можете. Тем более что вы молодая и сильная женщина. Пусть родит, а вы возьмете на себя все заботы о внуке. А дочка пусть учится, пусть живет своей молодой жизнью... Потом вам за все большое спасибо скажет.

– А если не скажет?

– Ну, не скажет, значит, не скажет. Вырастите внука, как своего ребенка. А что? По возрасту у вас вполне может быть второй ребенок... Вы о нем не задумывались, кстати?

– Да как-то нет...

– А почему?

– Не знаю... Нам с мужем и Лёли хватало. Мы очень любим ее.

– Так тем более... Значит, и внука любить будете. Вы ведь с мужем хорошо живете? Мне Наташа говорила...

– Да, хорошо. Только я боюсь, он такому повороту дел не обрадуется. Если честно, нам Лёля очень трудно далась... Мы на втором курсе института учились, когда я забеременела... Мы и женаты еще не были...

– Да, я помню, мне Наташа рассказывала. Ваш муж оказался порядочным человеком, на аборт вас не отправил, сра-

зу женился, все честь по чести. По крайней мере, Наташа очень хорошо о нем отзывается. Может, вы зря сомневаетесь, что он... так уж и не обрадуется?

– Ну, у Наташи же свой взгляд на чужую семью, поверхностный... Сама она, кстати, на аборте настаивает... Поэтому нас с дочерью к вам и отправила.

– И хорошо, что отправила. По крайней мере, я не формально подошла к вашей истории. Вот если бы вы к другому врачу попали, тогда... Можете своей сестре спасибо сказать, что она о вас позаботилась.

– Да, я скажу. Только она вряд ли обрадуется такому повороту, я думаю.

– Да вам-то какая разница, обрадуется она или огорчится? Это ведь ваш ребенок, а не сестры! Я даже думаю, что она и дальше будет на аборте настаивать... И я больше вам скажу – для этого есть причины. Вы ведь не знаете, наверное, что Наташа в юном возрасте тоже аборт сделала? А потом всю жизнь страдала от того, что родить не может. В психологии это называется как-то, не помню... Когда производится подсознательный перенос личных страданий на другого...

– Наташа? Делала аборт? Да что вы... Да она ведь и замужем никогда не была...

– Ну да. Не была. А родить хотела. Что тут такого особенного?

– Надо же... А я думала, она сама не хочет...

– Да ладно! Я ж вам объясняю – сколько я таких «нехо-

чух» на своем веку перевидала! Знаете, какое душевное горе стоит за этим «не хочу»? Неужели вы такой судьбы и для своей дочки хотите?

– Нет... Нет, что вы...

– Тогда пусть рожает! А вы совершайте свой материнский подвиг, берите все на себя!

– Да, да... Я вас слышала, Анна Витальевна. А можно я подумаю? С мужем посоветуюсь...

– Идите, советуйтесь на здоровье. Только у меня к вам одна просьба будет... Наталье не рассказывайте, что я про нее тут насплетничала в порыве откровения... Что использовала ее в качестве примера... Я ведь как лучше хотела, правда? Для вас – лучше...

– Да, я поняла. Спасибо вам, Анна Витальевна.

– Да ладно. Удачи вам, Катя. Надеюсь, вы с мужем примете правильное решение. Очень надеюсь...

* * *

Потом они с Лёлькой возвращались домой по залитой солнцем улице. И так было празднично кругом, так месяц май буйствовал! И небо тебе синее пожалуйста, и ветерок теплый, и сирень уже цвет набирает, и запах такой нежный от нее идет – надышаться невозможно! А только не дышится ни черта... И глаз не видит майских красот. Наоборот, растет внутри неопределенность положения, похожая на злую

досаду, и даже разговаривать с Лёлькой не хочется. Лучше уж так – идти и молчать.

– Мам... Смотри... На той стороне кафе открылось... Столики на улице стоят, под тентами... Я так мороженого хочу, мам!

Катя вздохнула, улыбнулась грустно. Какой же Лёлька еще ребенок по сути! Мороженого она хочет...

– Что ж, пойдем. Будем мороженое есть. Что еще нам остается, правда, Лёль?

– Ты сейчас так сердишься на меня, да, мам? Я по голосу слышу... Будто смеешься надо мной.

– Ну что ты, Лёль. Мне вовсе не до смеха. Да и не сержусь я... Хотя и надо бы.

– Так ты лучше сердись, не сдерживайся... А то идешь рядом и молчишь. Мне плохо, когда ты молчишь. Лучше ругайся, кричи на меня, обзывай последними словами... Только не слушай эту врачиху, ладно? Какое она вообще право имеет что-то решать за нас, правда?

– Ладно, пойдем в кафе... Не на улице же мне все это проделывать – кричать, да ругать, да последними словами обзывать!

Потом она смотрела с грустью, как Лёлька уплетает двойную порцию фисташкового мороженого, как старательно облизывает ложку востреньким язычком – совсем как в детстве. И опять эта жалостливая мысль пришла – ребенок, совсем ребенок! Бедный беременный ребенок... И даже на

свои шестнадцать не выглядит, максимум на тринадцать-четырнадцать... Господи, да как этот Олег влюбиться в нее мог, чего он там в ней разглядел? Наделал делов и сбежал... Вот бы найти его да по голове настучать за содеянное! Хотя можно найти, конечно, если захотеть... Но все равно ведь ничего уже не изменишь, если найдешь и если даже по голове настучишь... Только отношения с Лёлькой окончательно испортишь.

– Так что тебе сказала эта врачиха, мам, когда меня за дверь выгнала? – снова осторожно спросила Лёлька, подтягивая к себе высокий стакан с пепси-колой.

– Осторожно пей, Лёль, там льда много... Тебе нельзя сейчас простужаться.

Сказала это автоматически и вдруг поняла, что для себя давно уже приняла нужное решение. Просто вслух его произнести духу не хватало, а внутри оно, оказывается, само собой вызрело...

Да, надо рожать. Ничего не поделаешь. Анна Витальевна сто раз, тысячу раз права! Нельзя сейчас взять и поддаться желанию разом избавиться от проблемы и жить себе дальше припеваючи. Нельзя, нельзя... Конечно, Лёлька этого не понимает, но она-то взрослая женщина, она мать! И если уж так получилось... Что ж, так надо, значит. Будет у нее внук. Или внучка... Без разницы, кто будет. Кого Бог и судьба пошлет.

– Так что тебе она сказала, мам? Чего ты молчишь?

– Я не молчу, Лёль. Я думаю. Думаю, как тебе объяснить,

чтобы ты правильно поняла...

– Ой, мама, я тебя умоляю! Даже не начинай!

– А не надо меня умолять, а просто послушать надо! Можешь ты меня послушать хотя бы минуту? И вот это свое «даже не начинай» спрячь куда подальше, не будь ребенком! В конце концов, кто из нас двоих беременный, ты или я?

Лёлька даже рот забыла закрыть от такого материнского натиска, так и сидела, удерживая в пальцах полную ложку мороженого.

– Ешь, а то сейчас накапаешь на себя... Не отстирать потом будет...

Лёлька автоматически сунула ложку в рот, проглотила с трудом. И проговорила уже тихо, почти смиренно:

– Мам, ну ты же понимаешь, что я не могу... Во-первых, мне учиться надо, а во-вторых, я просто боюсь... Да я же умру, мам, ты что...

– Не умрешь. Родишь как миленькая. Все рожают, и ты родишь.

– Ну мам...

– Тихо, Лёль, тихо! Как ты выражаешься – даже не начинай! Лучше наберись смелости и посмотри правде в глаза.

– Да не хочу я никакой правде в глаза смотреть! Не хочу! Мне страшно, мам!

– Ну, так давай вместе посмотрим, если тебе страшно. Дело в том, что эта врачиха права, сто раз права, как ни крути. Если она говорит – нельзя рисковать, значит, действительно

нельзя. Ей виднее, Лёль, она очень хороший, опытный врач. Есть вероятность, что после аборта у тебя может быть бесплодие, ты понимаешь это или нет?

– Ну и пусть будет, подумаешь... И не надо мне никаких детей...

– Это ты сейчас так говоришь – не надо. А потом... Да у тебя же вся жизнь впереди, Лёль, как ты можешь знать, надо будет тебе или не надо?

– Но это же будет потом, мам... Вот потом и разберусь. А сейчас я не хочу никакого ребенка, я в институт поступить хочу. Да я просто нормально жить хочу, мам, как все! В конце концов, это мое право решать, что мне нужно, а чего не нужно!

Катя слышала, как снова начал дрожать слезами Лёлькин голос, как он поплыл вверх по спирали, до самой высокой ноты. Похоже, опять сейчас истерить начнет...

– Тихо, Лёлечка, тихо... Успокойся, пожалуйста. Не нервничай так. Тебе нельзя волноваться ни в коем случае, это ужасно вредно...

Хотела добавить – для ребенка вредно, да не стала. Лучше не надо пока привязывать это вынужденное решение к ребенку. Он же не виноват, что угодил во чрево юной нехочухи, правда? Лучше все сгладить как-то, другие слова произнести, более правильные...

– Будет у тебя институт, Лёлечка, обещаю.

– Да как же, мам, он будет? Если...

– А вот так и будет. Школьные экзамены сдашь и поступишь. И все дела.

– А потом что?

– Что, что... Потом родишь и снова пойдешь в институт...

– А как же...

– А это уже мое дело будет. Я решу, Лёль. Все будет хорошо, не волнуйся. Нельзя тебе волноваться, слышишь? Додай свое мороженое и пойдем... Мне еще на работу надо, я только до обеда отпросилась. А ты домой иди, садись заниматься. Экзамены скоро...

– Ой, я совсем забыла, мам! Сегодня же у Олеськи день рождения, она меня приглашала! Можно я пойду, а?

– Иди, конечно... Развеешься хоть немного. Только чтоб спиртного – ни грамма! Даже сухого вина нельзя! Обещаешь?

– Да ну, мам...

– Тогда не пойдешь никуда, будешь сидеть дома и заниматься, поняла?

– Ну хорошо, хорошо, я обещаю... Денег дашь на подарок?

– Дам... Сколько надо-то?

– Ну, хоть тысячу... А лучше две...

Катя достала кошелек, молча выложила перед ней две тысячи. Лёлька цапнула их так ловко, будто боялась, что она может передумать и отнять... А Катя в который уже раз подумала про себя – ребенок, совсем ребенок... Господи, ужас

какой... За что, господи? Может, она плохая мать и это для нее наказание? Или вообще в таком ключе мыслить нельзя – про наказание-то? Ведь ребенок – это ж счастье, а никакое не наказание!

Распрощавшись с Лёлькой, она побежала рысью на автобус, который аккуратно выруливал из-за угла. Села у окна, попыталась хоть как-то отвлечься, глядела рассеянно на проплывающие мимо дома, деревья, людей, спешащих по своим обычным делам... Счастливые эти люди, наверное. У них беременных детей нет...

Потом ее мысли плавно перетекли к Мите. Надо сегодня же вечером с ним поговорить, посоветоваться. Вернее, пусть он так думает, что она с ним советуется. И хорошо, что вечером Лёльки дома не будет... Мало ли, какая у Мити будет первая реакция на эту новость? У него ж такая натура взрывная... Сначала взрыв, а потом уже все остальное, и здравая рассудительность в том числе. Уж она-то знает своего мужа Митю...

* * *

– ...Ты что, с ума сошла, Кать? Что ты несешь такое? Да чтобы наша Лёлька... Да никогда не поверю, слышишь?

Митя бушевал негодованием, ходил по гостиной взад-вперед, засунув сжатые кулаки в карманы домашних треников. Катя сидела в кресле, виновато опустив голову. И не то что-

бы действительно виноватой себя ощущала, а просто пере-
жидала, когда он выкричится, выплеснет из себя первую вол-
ну гнева. И даже немного жалела Митю – знала, каково ему
это узнать... Сама недавно была огорошена, и тоже хотелось
кричать, и злиться хотелось. Да только не на кого было злить-
ся. Не на самую же Лёльку, всю насквозь перепуганную.

– Откуда ты вообще это взяла? Она что, сама тебе сказа-
ла? Может, она пошутила просто, а? Неудачно пошутила да
забыла, а ты надумала себе черт знает что!

– Она не пошутила, Мить. Разве таким шутят?

– Да они сейчас и не так еще могут приколоться, ты же
понимаешь! Насмотрятся всяких там комеди-клубов... Мо-
жет ведь быть такое, а, Кать?

Боже, как ей не хотелось разрушать эту нотку надежды в
голосе Мити... Тем более он остановился напротив, даже на-
гнулся слегка, пытаясь уловить выражение ее лица. А вдруг
она сейчас возьмет и расхохочется от души, захлопает в ла-
доши, запоем весело – поверил, поверил! Обманули дурака
на четыре кулака...

«Не запою, Митенька, не надейся. Придется тебе принять
эту новость, никуда ты от нее не денешься. И я не денусь...
Вместе нам надо ее принять, на четыре руки. На те же четыре
кулака то есть...»

– Мы сегодня утром у врача были, Мить. Она сказала, на-
до рожать, иначе нельзя. Риск большой, понимаешь? Может
потом вообще никогда не родить...

– Постой, не тарахти так, я же не понимаю ни черта! То есть... Врач все подтвердил, что ли? Наша Лёлька беременна?

– Да, Мить, да...

Он поднял голову, с силой вдохнул в себя воздух, даже всхрипнул, как загнанный конь. И снова принялся нарезать круги по гостиной – от двери к окну, от телевизора к дивану... Потом снова остановился около нее, ткнул воздух над головой указующим перстом:

– Это ты виновата во всем, Кать! Только ты! Это ты за Лёлькой не проследила! Ты мать, ты должна была! Это ты носишься с ней как дурень с писаной торбой! Все ей разрешаешь, все приветствуешь! Я давно хотел тебе сказать, что нельзя так, да все руки не доходили! Я ж работаю, мне некогда!

– Я тоже работаю, Мить! – резко подняла Катя голову, понимая, что настал момент защищаться. Дала ему время на первый гнев, и будет с него... Хватит!

– Да, ты тоже работаешь, я знаю! Но ты мать все-таки!

– А ты отец! И что?

– А то! Ты же должна была все увидеть, сердцем почувствовать, как мать, как женщина! А ты...

– Да что я должна была увидеть, что? Ты же знаешь, как Лёлька в этого парня влюбилась! Ты же еще и сам умилялся, и про первую любовь рассуждал... Не помнишь, что ли? И парень этот... Олег... Он же тебе так нравился!

– Да, нравился... Спорить не буду... Но ты, как женщина, должна была дочери объяснить про всякие там женские дела...

– А я объясняла, Мить. Ты же знаешь. Мы с тобой только недавно рассуждали на эту тему – относительно пояснений да объяснений... Или ты думаешь, что я должна была за подол ее держать и из дома не выпускать? Стоять рядом с Лёлькой ежечасно со свечкой в руках? Тут ведь все равно не уследишь, Мить... И вообще, о чем мы сейчас с тобой спорим, а? Ведь мы сейчас машем кулакам после драки, как два дурака...

– Ладно. Согласен с тобой. И впрямь, что толку теперь истерить... Так что там врач сказала, я не понял?

– Она сказала, что в любом случае надо рожать. Других вариантов нет, Мить. Нельзя ей аборт делать. Может бездетной остаться. Ты же представляешь, что это такое, надеюсь?

– Да понял я, понял... Не дурак. Конечно, хотелось бы радикально вопрос опять решить... Но ведь мы же ей всю жизнь таким образом испортим, блин! А с другой стороны... Ну куда она в таком возрасте – с ребенком? Кем она будет, ты подумала? Матерью-одиночкой без образования? Ты этого хочешь, да? Этого?

– Чего ты кричишь на меня, Мить? Ты же понимаешь, что я вовсе этого не хочу...

– Да я не на тебя кричу, прости... Это я от досады... Сам на себя кричу. Что делать-то будем, а? Ты сама-то что дума-

ешь?

– Я думаю, что из любой ситуации всегда есть выход, Мить...

– И какой же у нас выход?

– А пусть рождает, вот какой. И пусть в институт поступает.

– В смысле... На следующий год, что ли?

– Нет, зачем же на следующий год... Сразу пусть поступает, после экзаменов. Как все. Нечего на год учебу откладывать. Я думаю, она сразу после Нового года родит... И дальше будет учиться, вот...

– Хм... Как у тебя все складно получается. А куда она ребеночка денет, по-твоему?

– А с ребеночком я буду сидеть. С работы уволюсь. А Лёлька пусть и дальше живет своей жизнью, учится спокойно. Потом, когда повзрослеет чуток, нам с тобой спасибо скажет...

– Ты думаешь, скажет?

– Надеюсь... Куда ж она денется? Все равно ведь рано или поздно в ней материнство проснется!

– А если не проснется, Кать?

– Да ну... Не говори ерунды. Она сейчас еще ребенок, и всему свое время! И если уж допустить такое, что не проснется... Тоже ведь ничего страшного! Вырастим сами внука, подумаешь! Какие наши годы, Мить... Мы бы и сами еще могли второго ребенка родить, если на то пошло... Ведь так?

Митя взглянул на нее как-то странно, будто оценивал, может она родить второго ребенка или нет. Потом отошел к окну, задумался. Стоял, перекатываясь с пятки на носок, по-прежнему сжимая кулаки в карманах треников. Потом резко развернулся к ней лицом, проговорил деловито:

– Ладно, так и решим. А что делать, если других вариантов нет... Уволишься с работы, будешь с внуком сидеть. Хм... С внуком...

– Что, непривычно звучит, да?

– Ага. Непривычно. Мне до сегодняшнего вечера казалось, что я еще пацан пацаном... Какие такие внуки, о чем вообще речь... А оно вон как все вышло! Такой вот сюрприз...

– Да, Митенька. Такой вот сюрприз, согласна. Но мы ведь справимся, правда?

– Справимся, конечно, куда ж мы денемся. Правда, материально туговато придется, на одну-то зарплату... Это еще дай бог, чтобы Лёлька на бюджетное место поступила, а то вообще семейным финансам хана... Но ничего, я себе подработку найду. Вон как Серега, мой друг... Днем на основной работе вкалывает, а вечерами в частном такси подхалтуривает, домой только ночевать приходит. И мне так же придется... Ничего, справлюсь. Я ж здоровый мужик... И сильный...

– Да, Митенька, да... Ты у меня такой. Я в тебя верю. Молодец, Митенька...

– Да ладно. Проживем как-нибудь. А сама-то Лёлька... Я так и не понял... Хочет рожать или нет?

– Да я ее уговорю, Мить! А еще будет лучше, если мы вместе ее уговорим. Тебя-то она точно слушает, у тебя авторитета больше!

Видимо, последний комплимент пришелся как нельзя кстати. Митя даже улыбнулся слегка и кулаки из карманов вынул, и вообще, расслабился будто... И проговорил почти весело:

– Ладно, ладно... Уговорим как-нибудь. Другие родители бы ремнем за такие дела отстегали, а мы с тобой уговариваем – надо рожать, милая доченька, надо... Вот ведь какие веревки из нас вьют, а?

* * *

Но уговорить Лёльку оказалось не так уж и просто, как они себе представляли. Вернее, как это себе Митя представлял... Только услышал ее «не надо, не хочу», как записиховал сразу, даже голос на любимую дочь повысил, чего раньше никогда и не делал, в общем...

– Ты разве не понимаешь того, что тебе объясняют? Что ты уперлась как баран? Говорят тебе – нельзя делать аборт, так врач сказал! Или думаешь, ты самая умная здесь, да?

– Ну пап... Ну чего ты, в самом деле... – удивленно проговорила Лёлька, сглатывая слезы. – Да мало ли что этарачи-

ха сказала... Надо просто пойти к другому врачу, вот и все!

– Ага! Сейчас мы с тобой будем по всем врачам бегать, консилиумы устраивать будем! Да я бы на твоём месте вообще помалкивал, знаешь! Голову бы опустил и помалкивал! Сама же себе проблему создала, разве не так? А нам с матерью теперь эту проблему расхлебывать приходится!

– Ну так не расхлебывайте, кто вас просит? Я сама завтра в больницу пойду... Сама врача найду и обо всем договорюсь!

– Да кто тебя там слушать будет, все равно ж родителей спросят! Ещё и полицию привлекут, потому что тебе шестнадцать всего...

– Полицию? Зачем полицию?

– А как ты хотела, моя милая? Думаешь, все так просто, да? Нет, ошибаешься, ничего ты сама не решишь... Так что я бы на твоём месте не капризничал, а слушал, что тебе родители говорят! Будешь рожать, и все! И точка! Поняла?

– Лёлочка, милая... – вступила в их диалог, наконец, Катя. – Все будет хорошо, вот увидишь... Ты сдашь экзамены, спокойно поступишь в институт, первого сентября учиться пойдешь...

– Да как, как я пойду, мам? Ведь все видно уже будет! Я что, с пузом буду на занятия ходить, да? Чтобы на меня все пальцем показывали? Чтобы вопросы всякие унижительные задавали?

– Никто не будет на тебя пальцем показывать, что ты...

– Да ты откуда знаешь, будут или не будут?

– Ну ладно... И пусть показывают. А ты ходи гордо и внимания не обращай. Сейчас вообще трудно удивить кого-то, времена ж другие! Это в мою студенческую бытность пальцем бы показывали, а сейчас такая демократия в обществе царит, что никому дела нет!

– Это ты так думаешь, мам. Вот если б я в школу беременной пришла...

– Так ты же не в школу, ты в институт придешь!

– И все равно... Все равно вопросы всякие посыплются...

– А если вопросы начнут задавать, ты говори, что я замужем, мол... И мы с мужем ребенка ждем... Я даже могу тебе свое колечко обручальное дать, оно тебе как раз будет... Ну так, для видимости... Чтобы не приставали...

Митя, услышав про колечко, фыркнул недовольно, отвернулся. Потом проговорил тихо:

– Носимся тут с тобой, Лёлька, родительские подвиги совершаем... Вон, мать уже и кольцо посулила отдать...

– Да не надо мне никакого кольца, пап! Я ж не прошу! Она сама! – гордо вскинула голову Лёлька.

– ...А ты не ценишь, твердишь свое – что да как, да вдруг обо мне плохо подумают... – будто не слыша дочь, проговорил Митя. – Вместо того чтобы спасибо сказать, что мы о тебе заботимся, о будущем твоём думаем! Неблагодарная, ты, Лёлька, вот что я тебе скажу!

– А я вовсе не прошу вас обо мне заботиться! Я и сама

могу о себе позаботиться! Вот возьму и завтра пойду в поликлинику... Или куда там ходят, не знаю...

– Вот видишь, ты даже не заешь ничего! Зато выступить перед родителями со своей вредностью надо! Хочешь меня до белого каления довести, да? Этого ты хочешь, что ли? Сказали тебе – будешь рожать, значит, будешь рожать, и точка!

Катя незаметно положила ладонь на Митино колено, сжала его сильно – не надо перебарщивать, мол! И снова заговорила быстро:

– Зато первую сессию сдашь без проблем, Лёлочка! У какого преподавателя рука поднимется беременной женщине неуд поставить? Аккурат после сессии и родишь...

– Ага! И вы скажете – бери академку, бросай институт!

– Да не скажем, Лёлочка, не скажем! Мы с папой все решили уже! Я сразу с работы уйду, как только ты родишь, буду ребеночком заниматься! А ты пойдешь в институт и будешь дальше учиться спокойно...

Лёля нахмурила красивые высокие бровки, смотрела на мать задумчиво. Потом пожала плечами, хмыкнула, опустила вниз уголки губ. Что могло означать только одно – не особо я доверяю твоим словам, дорогая мамочка, не особо...

– Я тебя когда-нибудь обманывала, Лель, скажи? Когда-нибудь слово свое не держала? – с ноткой обиды в голосе спросила Катя.

– Да нет, мам... Не обманывала... Но как-то это все...

Неправильно, мам.

– Ты еще рассуждать будешь, что правильно, а что неправильно? – снова взорвался Митя, скидывая Катину ладонь с колена. – В твоём ли положении рассуждать, а? Надо спасибо родителям сказать, что они так все решили, а ты... Правильно, неправильно... Сказали тебе – будешь рожать, значит, будешь рожать, еще раз повторяю, если ты меня не услышала! И нечего теперь слезы лить, поняла?

Лёля и впрямь уже плакала, закрыв руками лицо, будто отгораживалась от отцовского гнева. Потом прорыдала тихо в ответ:

– По... Поняла, пап... Ладно, я буду... Буду...

– Ну все, Лёлечка, не плачь... – обняла ее за плечи Катя, привлекла к себе. – Все будет хорошо, я тебе обещаю... Пойдем в ванную, умоемся...

Митя смотрел на них сердито и в то же время виновато. Еще и Катя глянула на него с укором – довел все-таки до слез Лёльку! Ведь просила же – будь помягче...

Умывшись и успокоившись, Лёля ушла к себе в комнату, закрыла дверь. Катя заглянула к ней через какое-то время, увидела, что дочь спит, свернувшись калачиком. Закрыла тихонько дверь, вышла на кухню. Митя сидел за столом, сцепив руки, на нее даже глаз не поднял.

– Есть будешь, Мить? Хочешь, я суп разогрею? Там еще пирог с грибами есть. Ты же любишь такой пирог? – спросила миролюбиво, чтобы разрядить обстановку.

– Да какое там... Все равно кусок в горло не полезет, – хмуро ответил Митя. – Пойду-ка я лучше пройдусь... Пивка попью в баре... А может, и покрепче чего. Мне как-то в себя прийти надо, Кать... После всех этих разговоров дурных...

– Да отчего ж дурных, Мить? Ничего страшного не случилось. Давай на все это посмотрим другим взглядом, более оптимистическим, что ли... Ведь это радость в общем и целом, Мить. Внук у нас будет. Или внучка. Ты кого больше хочешь, скажи?

– Да не надо, Кать... Не готов я еще к таким разговорам... Как ты говоришь – оптимистическим. Мне бы к самой мысли привыкнуть для начала... Так я пойду, Кать?

– Иди. Иди, конечно. Хочешь, я с тобой пойду?

– Нет. Мне одному побыть надо. Осознать все, переварить... К новой жизни привыкнуть.

– Да какая новая жизнь, что ты! Все ведь остается по-прежнему... По крайней мере – пока...

– Вот именно – пока! Ладно, пойду я...

– Дверью только не хлопай. Лёлька уснула.

– Может, мне еще на цыпочках по дому ходить прикажешь?

– Мить, ну не начинай, а?

– Да ничего я не начинаю... Мне просто обидно, Кать. Носились с ней, носились, едва дышали... Ах, Лёлечка, милая доченька... А она, смотри-ка, преподнесла сюрприз!

– Ну все, Мить, успокойся уже! Хватит! Ведь решили уже

все, чего еще-то? – уже раздраженно произнесла Катя, тихо вздохнув.

– Да ничего! Ладно, пойду я... Приду пьяным – не ругайся.

– Хорошо, не буду. Иди.

Митя ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Что ж, и на том спасибо...

Катя подошла к окну, стала смотреть, как он медленно идет по двору. Так идет, будто несет на спине тяжкий груз. Да и сама спина выглядела оскорбленной...

Бедный, бедный Митя. Жалко его. И Лёльку жалко.

Но ничего, все устроится как-нибудь. И вообще... Надо самой начинать радоваться потихоньку – внук у них будет! Да, надо радоваться... Досада со временем уйдет, а радость будет расти с каждым днем, набирать силу... Ведь это всего лишь жизнь, в конце-то концов! Жизнь, в которой рождаются дети, в которой все когда-нибудь становятся бабушками и дедушками – кто раньше, кто позже...

В дверь позвонили, и Катя вздрогнула – кто это может быть? Митя вернулся? Подружка к Лёльке пришла? Надо бы открыть поскорее, а то снова начнут звонить, Лёльку разбудят...

За дверью стояла сестра Наташа, и Катя улыбнулась ей, одновременно прижав палец к губам.

– Что? Митя спит, что ли? – недовольно пробурчала Наташа, переступая через порог. – А ты, стало быть, на цыпоч-

ках по квартире ходишь, пока он спит?

– Да нет Мити дома, Наташ... Только что ушел. Не выдержал напряжения, решил напиться. Это Лёлька спит у себя в комнате...

– А какого напряжения он не выдержал?

– Да мы с Лёлькой только что поговорили... Вернее, уговорили ее не делать аборт...

– Да, мне Аня звонила вчера, обсудили мы с ней вашу проблему. Я потому и зашла, чтобы узнать, как у вас тут дела... А вы, стало быть, уже все и решили.

– Да, Наташ, решили. Будем рожать.

– И твоя Лёлька согласилась на это?

– Представь себе, согласилась.

– Да неужели?

– Ну, не сразу, конечно... Просто мы ее уговорили. Пообещали, что все возьмем на себя. Что она родит и будет учиться и дальше, и вообще... Будет жить своей молодой жизнью... А я с ребенком буду сидеть.

– То есть это ты все возьмешь на себя, правильно? А Митя твой...

– А Мите придется работать на двух работах, чтобы нас всех содержать. Он сам так сказал – будет трудно, мол, но ничего, я справлюсь. Такие вот дела, Наташ... Такой вот мы нашли выход из положения...

Наташа сидела за кухонным столом, и по лицу ее было непонятно, как она отнеслась ко всему сказанному. Судя по

долгому молчанию, Катя решила, что не очень хорошо отнеслась. И, чтобы прервать это молчание, спросила тихо:

– Чаю хочешь, Наташ? У меня пирог есть... С грибами... По новому рецепту пекла...

– А кофе есть? – сухо спросила Наташа.

– Есть... Сейчас сварю.

– Давай. И пирог тоже давай. Я, когда нервничаю, всегда есть хочу.

– А чего ты нервничаешь, Наташ?

Вот зря она это спросила, надо было вообще на другую тему разговор перевести. А теперь уж поздно...

– Как это – чего нервничаю? Ты думаешь, у меня нет причин, да? У тебя в семье черт-те что происходит, и я должна быть спокойна, по-твоему?

– Но ведь это у меня в семье происходит, Наташ... Я уж сама как-нибудь разберусь...

– Да? А ты о маме подумала? Что с ней будет, когда она узнает... Когда внученьку свою Лёлочку с пузом увидит... Подумала, что с ней будет, а?

– Ну... Мама поймет, я надеюсь.

– И зря надеешься! Ты же знаешь, что мама другими понятиями живет... Она старый человек, ей уже не перейти порог той свободы, когда беременность юной незамужней девушки воспринимается как что-то само собой разумеющееся! Да я вообще не знаю, что с ней будет... Инфаркт, инсульт... Все что угодно может быть...

— Ну, Наташ... Не перегибай палку. Я потом сама с мамой поговорю, заранее ее подготовлю.

— Ну ладно, с мамой... А сама-то ты, Кать? Ты уверена, что все правильно делаешь?

— А у меня есть какой-то другой выход, по-твоему?

— Не знаю, Кать. Не знаю. С одной стороны, вроде все правильно ты решила, пусть рожает. А с другой? Это ведь на словах все легко... А на самом деле, как будет, и не знаешь... Нельзя ведь все рассчитать заранее, Кать!

— Ну, лучше уж рассчитать, чем в опасный самотек пуститься...

— Не знаю я, что лучше. Сомневаюсь я очень. Ты думаешь, твой Митя готов нести на себе такую нагрузку?

— Да. Готов. Он сам так сказал.

— Ну... Мало ли что он сказал... Ты ведь его с одного бока только видишь, потому что любишь без памяти. А любовь, она же слепой женщину делает!

— Наташ, ну что ты говоришь такое, честное слово! Ну чем тебе мой Митя не угодил?

— А я не претендую на то, чтобы он мне угождал! Просто... Я со стороны больше вижу, Кать. Он вовсе не такой, каким ты себе его представляешь! И не важно, что вы уже столько лет вместе... Я все равно больше тебя вижу! У меня глаз не замыленный любовью, в отличие от тебя!

— И что ты видишь такое ужасное, Наташ?

— А то! Он у тебя безответственный, вот что!

– Это Митя – безответственный?! Ну, ты даешь... С чего ты взяла?

– А ты вспомни сама, вспомни! Как он жениться на тебе не хотел, вспомни! Ты уже глубоко беременная была, а он все медлил, предложение тебе не делал... А как мама за тебя переживала тогда, помнишь? Это хорошо еще, что она с Митиной мамой была знакома, что поговорила с ней откровенно... Я думаю, Митина мать и заставила его жениться тогда. А так бы...

– Наташ... Ну зачем ты мне все это говоришь, а? Зачем? Сама же знаешь, что мы тогда молодые были, на втором курсе учились... Да столько лет с тех пор прошло, Наташ! Зато сейчас мы живем хорошо и любим друг друга... Нет, я верю своему мужу, Наташ. Зря ты так про него говоришь, правда.

– Ну что ж... – вздохнула Наташа, усмехнувшись. – Как говорится – блажен, кто верует... А если б он тогда на тебе не женился, Кать? Ты бы стала Лёльку рожать, а? Или аборт бы сделала?

– Конечно бы стала рожать, ты что! И вообще, Наташ... Не нравится мне этот разговор, слышишь? Не понимаю я, к чему ты сейчас его завела!

– Да просто я боюсь за тебя, дурочка! Переживаю по-сестрински! Ведь неизвестно, куда вас эти решения заведут...

– Куда надо, туда и заведут. И все, Наташ, хватит... Мы с Митей уже все решили...

– Ну-ну... Не говори потом, что я тебя не предупреждала.

– Хорошо, не скажу. Слова не вымолвлю. Обещаю.

Видимо, последние ее слова прозвучали очень сердито и резко. Наташа лишь глянула быстро, поджав губы, и замолчала. Потом снова губы ее поползли в усмешке...

Катя видела, какая в этой усмешке таится сокрытая боль. И бог знает, что за этой болью стоит... То ли своя собственная неудавшаяся личная жизнь, то ли и впрямь сестринская забота... Конечно, надо бы сесть да по душам поговорить, но разве Наташа это позволит? Ее затвердевшую с годами самоуверенную гордыню ничем не перешибешь...

– Ладно, пусть будет, как будет. Мое дело – предупредить... – холодно произнесла Наташа, поднимаясь из-за стола. – И маме пока ничего не говори, поняла? Пусть поживет спокойно хоть какое-то время...

– Да, Наташ, конечно. Я понимаю.

– Не провожай меня, я дверь за собой захлопну. Тихо захлопну, не переживай, не разбужу я твою Лёлочку ненаглядную...

Наташа ушла, а Катя все сидела за столом, думала над их разговором. Каким-то неловким он получился, неправильным... Будто чужие люди говорят о чужих. И эта боль в Наташином голосе, в глазах, в усмешке... Может, надо было у нее спросить о том, что невзначай рассказала ей Анна Витальевна? Хотя нельзя, она ж ей обещала...

Интересно, а мама знает о том, что Наташа когда-то в юности отказалась от ребенка? Наверняка ведь не знает... У

них в семье не принято было преподносить такие сюрпризы. Принято было, чтобы снаружи все хорошо и гладко выглядело. Так хорошо и гладко, чтобы комар носу не подточил! Чтобы люди о них плохого не думали!

Да, мама всегда по такому принципу и жила – что подумают люди. Наверное, этим своим страхом и провоцировала тех самых людей на те самые думы, и поводов для этих дум тоже было вполне достаточно. Потому что второй брак, в котором родились они с Машкой, у мамы тоже не задался. Кате было лет шесть, а Машке и вовсе еще трех не исполнилось, когда их отец подался на Север вместе с новой подружкой, и след его быстро остыл... Правда, алименты хорошие присылал, но чтобы приехать на родных деток взглянуть – это ни-ни... Будто и не было их вовсе. Там, говорят, и сгнил... Ехал куда-то вместе с подружкой, машина сломалась на трассе в мороз, оба замерзли. До мамы только через год эта весть дошла, и то потому, что алименты приходить перестали. Вот уж те самые люди и поговорили тогда, обсудили эту новость!

Но все равно мама старалась держать марку изо всех сил, гордо несла свое одинокое материнство. И от них требовала того же – чтобы правильно жили, с гордо поднятой головой! Вроде того – посмотрите, какие мы, как у нас все замечательно, лучше и быть не может! Только так, и никак иначе! А если что-то и плохо у нас, об этом и знать никто не должен, не приведи господь!

Одним словом, так и жили – в предлагаемых обстоятельствах. Наружу – только хорошее, а плохое должно быть сокрыто. А еще лучше – о нем вообще умолчать, вслух не произносить. Даже родной матери не говорить, чтобы ее не огорчить этим плохим...

Катя вздохнула, даже содрогнулась слегка. Представила вдруг мамино лицо, когда она узнает... Она ж так любит Лёльку, так гордится ее школьными успехами! Да, Наташа права, надо будет подольше держать ее в неведении. Держать до последнего. Мало ли что...

– Мам, я есть хочу...

Голос пришедшей на кухню Лёльки прозвучал так жалобно, что у Кати сердце зашлось. Потянулась к ней, обняла в порыве жалости, прижала к себе, проговорила тихо на ушко:

– Все будет хорошо, Лёленька, все будет хорошо, я тебе обещаю... Не переживай и не волнуйся, солнышко мое, рыбочка моя золотая... Ты же знаешь, как я люблю тебя, и как папа тебя любит, правда? И ты на него не обижайся, пожалуйста, ладно?

– А где он, мам?

– Он... Он решил немного пройтись...

– Это он из-за меня ушел, да? Переживает?

– Да, переживает немного... Ты же знаешь, какой он у нас впечатлительный. Сейчас прогуляется, голову освежит и перестанет переживать. Не думай об этом, Лёль. Сейчас я тебя накормлю, девочка моя... Что ты хочешь?

– А соленые огурцы у нас есть?

– Есть... Есть, конечно! Целая трехлитровая банка есть!

– Ой, давай... Я только одних огурцов поем, ладно?

– Нет, так нехорошо, что ты! Давай я быстренько картошечку отварю?

– Ладно, давай...

Пока Катя суежилась по кухне с картошкой, Лёля сидела за столом, подперев подбородок маленькими ладошками. Потом спросила тихо:

– Мам... А рожать страшно?

– Нет, нисколько не страшно, Лёлечка! Сейчас ведь женщинам не дают мучиться, облегчают этот процесс всячески... Не бойся, все будет хорошо!

– А ты пойдешь вместе со мной рожать?

– Конечно, пойду, если разрешат!

– Ладно, мам... Только ты помни, что мне обещала... Что я сразу потом учиться пойду...

– Да, Лёлечка. Помню. Слово тебе даю, так и будет. Ты пойдешь дальше учиться, а все хлопоты о ребеночке я возьму на себя. Да ты не думай сейчас об этом, не думай... Занимайся лучше, к экзаменам готовься, что ты!

– Да сдам я экзамены, мам... Хорошо сдам!

– Да уж, ты постарайся побольше баллов набрать, ладно? Чтобы наверняка на бюджетное место попасть... Иначе мы с папой твое платное обучение не потянем – на одну-то зарплату...

– Да, мам, я поняла. Я постараюсь, мам...

* * *

Потом, когда началась нервотрепка с поступлением, они с Митей будто и забыли о проблеме. Хотя и впрямь – какая ж это проблема? Даже язык не поворачивается будущего внука проблемой назвать... Это ж и впрямь за счастье надо считать. Или ожиданием счастья. Уж как получится.

Погода в то лето стояла совсем дурная. То дождь целыми днями лил, то солнце принималось наяривать так беспощадно, что и на улицу выходить не хотелось. Лёлька благополучно поступила в свой финансовый институт, на тот самый факультет, куда и хотела, – слава богу, баллов хватило. А потом, бедная, целыми днями дома сидела, уткнувшись в книжку. До первого сентября еще надо было дожиться...

Однажды Катя увидела, как Лёлька стоит в прихожей перед большим зеркалом, разглядывает себя с пристрастием. То одним боком повернется, то другим. И лицо у нее было такое... Неприязненно озабоченное. Вот махнула рукой, отвернулась от зеркала, ушла к себе в комнату...

Через какое-то время Катя вошла к ней, села на край кровати, проговорила весело:

– А давай мы куда-нибудь сходим, Лёль! Давай в кино, а? Или в кафе... Куда ты хочешь, скажи?

– Да никуда я не хочу, мам... И вообще... Не надо меня

специально развлекать, я сама как-нибудь... Тем более я уже привыкать начинаю. Ну и пусть, что скоро все будет видно, пусть! Кому какое дело вообще? Я взрослый человек, мне вот-вот уже семнадцать исполнится!

– А что ты хочешь на день рождения, Лёль, какой подарок?

– Не знаю. Не думала еще. И это, мам... Не будем никакого дня рождения устраивать, ладно? Я не хочу...

– Но ведь бабушка с тетей Наташей все равно придут тебя поздравить... И тетя Маша с близнецами...

– А ты им скажи, чтобы не приходили! Я не хочу!

– Ну почему, Лёль?

– Потому... Не хочу, чтобы они меня разглядывали и что-то мне говорили... Через месяц ведь все будет заметно, мам! Бабушка охать начнет и за сердце хвататься, тетя Наташа тоже... Ничего хорошего не скажет... Я как представляю это выражение ее лица, мне сразу плохо становится! Не хочу, мам, не хочу...

– Ладно, я подумаю, Лёль. А может, нам в твой день рождения куда-нибудь на природу махнуть, сбежать ото всех? Втроем побудем – ты, папа и я...

– Да папа никуда не поедет, мам. Я знаю.

– С чего ты взяла, Лёль?

– Да я же вижу, что он на меня сердится! Виду не показывает, конечно, но... Будто презирает меня...

– Да как он может сердиться, Лёль, если сам тебя же и

уговорил ребенка оставить?

– Так потому и уговорил, что сначала ты его уговорила! Думаешь, я не понимаю, что ли?

– Не говори ерунды, Лёль. Все, решено, на твой день рождения мы втроем едем куда-нибудь! Сбегаем от родственников!

– Ладно, мам, посмотрим... Вообще-то я бы с удовольствием на пару деньков уехала, а то сижу в четырех стенах... У меня иногда такое чувство бывает, будто я с ума схожу. Будто я как прокаженная, и все от меня шарахаются...

– По-моему, это ты ото всех шарахаешься, Лёль. Я вот слышала недавно, как ты с Олеськой по телефону разговаривала... Будто она тебе надоела смертельно. Почему, Лёль? Она ж твоя ближайшая подруга вроде!

– Да, я ей нагрубила, правда... Сама не знаю почему. От зависти, наверное.

– От зависти?

– Ну да... У нее-то все хорошо в жизни, а я... А я беременная...

– Лёль! Ну что ты говоришь, в самом деле! Давай-ка, переставай относиться к своему новому положению как к наказанию! Нельзя этого, понимаешь? Ребенок же все чувствует, ему плохо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.